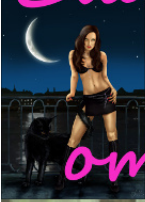

Sono May (Мя Мя)
Записки пилота

Символ контакта

Don't Believe

открытая Дверь

2011г.

Sono May (Ия-Ия)

Записки пилота, Символ контакта – открытая Дверь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23883065

Аннотация

Люди частенько считают себя одинокими, брошенными, тратят жизнь в погоне за мечтой или идеей. Хватают новую идею, разочаровавшись в прежней, как дети бросают надоевшую и непонятную игрушку, отмахиваясь от того, что оказывается рядом на пути в этой погоне. Вот-вот за поворотом откроются перспективы и погоня, наконец, завершится. Но за очередным поворотом открывается лишь ещё одна лента дороги, сворачивающая за очередной поворот, и возможно там-то всё и завершится и наконец, гонке за мечтой и идеей придут долгожданные награды? Однако за очередным жизненным поворотом оказывается ещё дорога и ещё повороты, и это длится, длится и длится. Будет ли этому конец, или дорога не имеет конца? А может она не имеет и начала?

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Есть контакт	6
Глава 2. Кто тут за старшего?	10
Глава 3. Воспоминания	15
Глава 4. Робкие попытки	21
Глава 5. Спасать, иль не спасать, вот в чём вопрос	25
Глава 6. Колебательность	30
Глава 7. Страхи	35
Глава 8. Смерть всего лишь начало	41
Глава 9. Убирать ли за собой, вот в чём вопрос	50
Глава 10. Малыш	56
Глава 11. Принцип бумеранга	58
Глава 12. И почему люди не летают как птицы	67
Глава 13. Люди, такие люди	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Предисловие

А может погоня за призрачной идеей для людей лишь способ занять своё время? Может всё искомое они попросту пробегают мимо, стремясь к поставленной ими цели, в надежде быстрее всё завершить? Или может вовсе не бегут, а делают вид, ожидая, что кто-то другой решит за них всё, а они пока отдохнут.

Ведь может так стать, что дорога вовсе не уходит в некую бесконечную даль, а вьётся кольцом, по кругу которого бегут страждущие догнать свою мечту, заполучить желаемое. А на обочине которого сидят «отдыхающие», наблюдающие за гонкой других, отведшие себе роль наблюдателей и гениальных советчиков, что способны дать совет по любому поводу всем, но не себе.

А вдруг это и вовсе бег на месте, растрачивающий Жизнь?

ПРИСМОТРИСЬ
к тем,кто рядом.

Глава 1. Есть контакт

Ночь, темно. Она спит в своей комнате.

Голос в темноте: Пилот, пилот, ответь! Я – штурман!

Пилот ответь! Я – штурман!

Она поворачивается на другой бок и продолжает мирно спать.

Голос: «Пилот! Пилот! Пилот!!!! Мать твою!!!!»

Она подскакивает на кровати, протирает глаза. Темно. Включает свет, смотрит на часы, они показывают около 3-х ночи, думает: «Чего проснулась!? Вечно ерунды всякой на-снится! Вот как теперь заново уснуть!?»

Она снова ложится и мучительно пытается заснуть, долго вертится, пока дрёма не накрывает её.

Голос: «Пилот!!!! Зараза! Хватит спать! Ответь! Я – штурман!!!!»

Она снова подскакивает: «Опять кошмары какие-то! Даже спать страшно»

И тут она слышит уже более спокойный и тихий голос, как будто где-то у неё в голове: «Пилот, ну наконец-то! Я – штурман! Ответь! Ты меня слышишь?!»

Она машинально, мысленно: «Слышу!»

И тут же спохватывается и начинает рассуждать сама с собой: «Кому это я? Может это продолжение сна?»

Голос: «Какого, нафиг, сна! Я – штурман! Еле доорался! Одному богу известно, сколько времени я тебя искал, и ещё – сколько времени я тебе орал!! Кстати, ты слух не хочешь проверить?»

Она, ещё не до конца проснувшись, ошалело: «Ну, вообще-то у меня в детстве уши болели и с тех пор одно ухо. Эээ! Постой! Ты кто?»

Голос: «Таааак, у неё ещё и с памятью полный абзац! Штурман я! Я же только что тебе сказал!»

Она: «Какой такой штурман!?»

Сама себе: «Ничего не понимаю, я ЕЩЁ сплю что ли, или УЖЕ с ума схожу?»

Голос: «Спокойно, спокойно. Ты не сошла с ума»

И тут же продолжил, но уже тише и как бы сам себе:
«Очень на это надеюсь»

И снова ей, успокаивающе, как маленькому ребёнку по буквам: «Я – твой – штурман. Ничего такого сверхъестественного не происходит, просто ты – пилот, а я – штурман. И ты должна кое-что сделать. А я тебе должен в этом помочь. Вот, собственно, и всё»

Она: Я?

Голос: Ну не я же!

Она: Сделать?

Голос: Ага.

Она: А что сделать?

Голос (с насмешкой): Мир спасти естественно! Ну, знаешь там, Армагеддон, Брюс Уиллис, смотрела?

Она (растерянно): Не помню чего-то.

Голос: Темнота!

Она: Да. Темно, так ведь ночь на дворе.

Голос: Блин, да это ты – темнота!

И опять тихо сам себе: Во подвезло! У всех пилоты как пилоты, а у меня. Нда, придётся работать с тем, что есть.

И снова ей: Значит так, я – штурман. Задача штурмана обнаружить пилота, установить контакт, ну, и при необходимости помочь. Добрым советом. Ясно?

Она (машинально, в ошарашенном состоянии): Ясно.

Голос: Ты – пилот! Твоя задача: Успешное внедрение в систему, ответить на позывные штурмана, выполнить ряд задач в системе при поддержке штурмана. Ясно?

Она: ????

Голос: Что неясно? Спрашивай?

Она: Почему я?

Голос: Почему-почему – по качану! Ещё вопросы есть? Нет? Тогда продолжим.

Глава 2. Кто тут за старшего?

Штурман: Итак, ты не сможешь что-либо сделать, не изменив конфигурацию существующей системы, иначе говоря, не расширив или не убрав совсем некоторые рамки, ограничивающие сознание, то есть, по сути, надо будет серьёзно изменить понимание реальности и её законов.

Пилот: Я чего-то очень сомневаюсь, что в этих условиях вообще можно что-либо сделать.

Штурман: А раньше не сомневалась.

Пилот: Раньше? Не припомню чего-то.

Штурман: Ладно, неважно, проехали. Короче, для загрузки новой программы надо внести определённые изменения. Так?

Пилот: А сразу нельзя?

Штурман: Всё тебе сразу подавай! Нетерпеливая какая! Сразу не получится, вот тебе пример: Вот скажи, ты можешь загрузить круто навороченную компьютерную игрушку в старенький компьютер с убогим процессором?

Пилот: Знаешь, я вообще-то в этой теме не очень, но,

полагаю, ответ – отрицательный.

Штурман: «В этой теме не очень? А в какой очень?»

Он ухмыльнулся: «Ладно. В общем, всё верно, ничего не получится, компьютер придётся усовершенствовать и расширить его возможности. Теперь вопрос на засыпку, что есть этот самый комп в данной системе?»

Пилот: Ммм, ну, человек, наверное, люди.

Штурман (передразнивая): Ну, наверное, ммм, что за ерунда такая! Я тебя не узнаю! Говори всегда уверенно, даже если не знаешь, тогда если и ахинею какую сморозишь, тебе всё равно поверят!

Пилот: Да иди ты!

Штурман: О! Вот это звучит уверенно! Вот с таким вот чувством и интонацией и говори! Запомнила, я надеюсь? Хотя, где тебе! С твоим-то объёмом памяти!

Пилот: Ах, ты га...

Штурман: Да, да, я знаю, что ты хочешь сказать, спасибо за комплимент. Кстати, и эта интонация тоже подходит. Итак, представь полянку, а на ней сидят три богатыря: Алёша Попович, Добрыня Никитич и Илья Муромец, в полном,

так сказать, облачении, в шлемах кольчугах, и тому подобное, сидят себе и самокрутки раскуривают.

Пилот: Самокрутки? Так в это время ж...

Штурман: Да, пожалуй, ты права. Курить – вредно! Ну, так вот, сидят они себе и думу думают, как им злого Тугарина одолеть, стратегический план, понимаешь, разрабатывают. Смекаешь? И вдруг, мальчонка в футболке, бейсболке, с плеером, да на скейте мимо катит. Как тебе картинка? Как думаешь, чего с богатырями случиться может?

Пилот: Мммм???

Штурман: Прально! Сбой системы со всеми вытекающими последствиями! Так что мы должны сделать, чтоб у наших богатырей крышу разом не снесло?

Пилот: Эээээ...

Штурман: И снова верно! Тихонько, постепенно и бережно расширить систему мировоззрений наших доблестных борцов со злыми силами, дабы допустили они сию невероятную возможность в их системное пространство! Сообщаешь? Чего-то долго ты сообщаешь. Эй! Ты чего? Зависла что ли? Хватит думать! Действовать пора!

Пилот: Да, я не знаю.

Штурман: Зато я знаю! Давай, делом займись!

Пилот: Может ты сам, как-нибудь?

Штурман: Эээ! Давай-ка ещё раз разберёмся, кто из нас Пилот? А?

Пилот: А...

Штурман: «Можешь не отвечать! Пилот – ты! Ты и действуй! А я так, просто, просто голос свыше!», – Вдруг чрезвычайно торжественно сообщил он, – «И поэтому ты должна во всём меня слушаться! Ну-ка попрыгай на одной ноге! Или ласточку сделай!»

Пилот (неожиданно зло): Счас! Бегу и спотыкаюсь! Держи карман шире!

Штурман (себе под нос): «Я так и знал! Не прокатило! Не все параметры поддаются корректировке, а жаль, но попробовать стоило. А ввали то, ввали, полное форматирование! Пиши чего хочешь! Техники хреновы! Вот другим Пилотам бывало скажешь, я, мол, Высший Разум! Или Я – Господь Бог! И всё! Ходят как шёлковые! Сама вежливость! Чё ни попроси, ну всё сделают! А не сделают, так тысячу раз извиняются, мол прости ты меня Господи, прости ты меня Господи, не буду мол так больше. Пустячок, а приятнооо... А тут? Ээххх!»

И дальше Пилоту: «Ладно, хватит теории, перейдём к практике. Начнём с себя! Тьфу ты! То есть с – тебя!»

Глава 3. Воспоминания

Штурман: Держись, пилот, держись! Я же говорил тебе, не лезь, не лезь! Ты же плавать не умеешь! Да кто меня слушал! А сейчас-то уж точно, наверное, не услышишь, не до того! Держись, сейчас что-нибудь придумаем. Эй, вы там! Пилот в опасности!!!

Мысли тонущего в волнах пилота: Всё! Писец!

Штурман: Отставить панику! Запаникуешь и тогда точно – писец!!!

Мысли пилота (она не слышит голоса штурмана): Запаникую, начну биться в истерике, захлёбываться, тогда точно – конец. Так, так спокойно, спокойно, ведь так плавать и учатся!

И за считанные секунды у неё в голове пронеслись все когда-либо слышанные ею истории о том, как кого-нибудь в шутку или всерьёз бросали в воду и человек, до этого не умеющий плавать, тут же с перепугу этому обучался. Но волны накрывали её с головой, и она не успевала нормально вдохнуть, когда ей удавалось вырваться из-под воды. Через неко-

торое время она сообразила, что обучение плаванию может сильно затянуться, а воздуха в лёгких не хватает.

Мысли пилота: А может тут и неглубоко совсем? Я же близко к берегу, может, меня просто волнами поднимает, и я не чувствую ногами дна? Может, надо просто найти дно и встать на ноги!

Штурман: Какого дна!!! Сумасшедшая! Там – яма!!!

Пилот не слышит штурмана и перестаёт биться в волнах, пытаясь опуститься на дно, слой воды над её головой становится всё толще и толще, он начинает давить. Дна – нет. Она понимает, что в поисках дна у неё потом может просто не хватить сил, чтобы вырваться на поверхность, и тогда сильным движением ног она делает рывок и её выбрасывает наверх.

Штурман: Пилот, пилот, ты слышишь? Хватит стесняться и кокетничать, тебе не выбраться самостоятельно. Зови на помощь! Да ори ж ты, наконец!!!!

Пилот, на секунду вырвавшись из волн кричит:
Ааааа!!!!!!!!!!!!

На большее у неё не хватает времени, волны тут же на-

крывают её с головой.

Штурман мысленно концентрируется и обращается к плавающей у буйков подруге пилота: Оглянись, оглянись! Посмотри как она там. Оглянись!!

Видя безуспешность попыток, он бормочет сам себе: «Слабый контакт!», – техникам: «Усильте сигнал, и направьте его через пилота её подруге, между ними связь лучше!»

Штурман подруге пилота: Оглянись, оглянись, оглянись!

Пульсирующие мысли всё ещё сражающегося с волнами пилота: Меня никто не слышит! Шум волн всё заглушает! Кричать бесполезно, только дыхание теряю. Всё – бесполезно. Это – конец! Только что получила диплом бакалавра, дальше магистратура, должна была быть. Первый раз на море, первый день на море! Совсем рядом с берегом. И... – всё! Как глупо! Как глупо!

Штурман: Пилот!!! Она возвращается, она уже близко! Биться надо до конца! Помнишь, пилот?!!! Держись!!!!

Пилот, задыхающийся, не слышит штурмана, ничего не видит, полная дезориентация в пространстве, даже уже не

понимает в каком направлении берег, проносятся мысли: Что впереди? Смерть? Это больно? Какого чёрта! Мне УЖЕ больно! Будет больнее? Нет, не будет больнее! Биться надо до конца! Буду биться до конца! Когда устану, потеряю сознание, умру и не замечу как умру.

Из последних сил пилот выныривает, видит подплывающую подругу, протягивает к ней руку.

Штурман: «Убери руку, пилот! Ты утопишь её! Убери руку!», – техникам: «Усильте сигнал!»

Пилоту: «Убери руку! Это – приказ!»

Мысли пилота, ей как будто слышится издалека чей-то чёткий голос, и он приказывает: «Убери руку! Ты утопишь её! Погибните обе!»

Потом у неё в голове вихрем проносятся когда-то давно прочитанные правила поведения на воде, где описываются ситуации, как спасти утопающих, как утопающие могут буквально утопить своих спасателей, цепляясь за них и мешая им, и так и утаскивают их за собой.

И, хотя, тело пилота истерично вопит: «Жить!!! Любой ценой! Жить!!!», – пилот волевым усилием убирает руку. Рука подчиняется плохо, но подчиняется.

Последние мысли пилота: Так хотя бы она выживет. И у меня будет шанс, наверное.

Пилот закрывает глаза и прекращает борьбу.

Штурман: Она не бросит тебя, пилот. Ты же её знаешь, она не бросит.

Пилот не слышит штурмана.

Штурман: Пилот, пилот, открой глаза. Они тебе искусственное дыхание делать собираются.

Пилот, чувствует спиной, как волны слегка таскают её по каменистому берегу, кто-то держит её голову, слышит доносящийся откуда-то, будто издалека голос подруги, которая к кому-то тревожно обращается: «Ты умеешь делать искусственное дыхание?»

Путанные мысли пилота: Зачем искусственное дыхание? У меня же сердце бьётся. Не надо делать искусственное дыхание, когда бьётся сердце.

Штурман: Вот именно! Они тебе сейчас, по незнанию, все рёбра переломают! Открой глаза, пилот!

Пилот еле-еле разлепляет тяжёлые веки. Как болит голо-

ва, как тяжело, как жутко болит голова.

Глава 4. Робкие попытки

Она сидит в комнате за столом, на котором лежит карандаш. Взгляд её не отрывается от карандаша ни на минуту, на лице написана крайняя степень сосредоточения.

Штурман тихо и насмешливо: Эээй, есть тут кто-нибудь? Да, перестань ты на него пялиться, всё равно он никуда не сдвинется, сколько ни трудись!

Она продолжает сосредоточиваться на карандаше в попытке передвинуть его силой мысли.

Штурман: И долго это будет продолжаться? Смотри, сейчас пар из ушей пойдёт! Ой, ой уже идёт! Гляди как мозги закипают!

Пилот Штурману, бросив попытки и с раздражением: Ты сам сказал, что это возможно! И что я это МОГУ!

Штурман: Сказал. И что? Если я сказал, что что-то возможно, это значит, что ты немедленно должна это делать?

Пилот: Я хотела попробовать, ну, или научиться.

Штурман *насмешливо*: Двигать карандаши? О да! Это, должно быть, ценное умение! Интересно, и где ты собираешься его применять? Будешь жонглировать карандашами, дабы развлечь публику? Постой, я уже вижу это: Дамы и господа! Сегодня на арене цирка наша несравненная! Она исполнит неподражаемый трюк – жонглирование цветными карандашами при помощи мысли! Поприветствуем, господа!!!

Бурные аплодисменты.

Пилот: Это только начало, можно же делать что-то и посерьёзней!

Штурман: Посерьёзней? Жонглировать толстыми розовыми слониками что ли? Послушай, может тогда лучше ещё понавтыкать в себя игл там всяких, тоже ведь реально при должной сноровке то. А что: «Сегодня на арене, девушка – дикобраз! Она умеет жонглировать толстыми розовыми слониками при помощи мысли!»

Пилот: Хватит уже чушь нести!

Штурман: Почему же чушь? Вот для чего тебе эти самые сверх способности, а? Не надо, не говори, сам знаю – дабы возвыситься над толпой!

Пилот молчит.

Штурман *иронично*: Нет? Не это? Может, дабы заслужить уважение людей, а подразумевается – возвысится над

толпой? Повысить самооценку, а подразумевается – хотя бы мысленно возвыситься над толпой? Развлечь людей, т.е. заслужить их внимание и через это повысить самооценку. И снова подразумевается возвыситься над толпой?

Пилот надулась и молчит.

Штурман: Хочешь что-то серьёзное сделать со своими способностями? А пойди ка для начала хотя бы просто посуду помой что ли. Глядишь, пользы-то больше будет. А то знаешь чем могут закончиться все твои трюки?

Пилот: И чем же?

Штурман: А тем, что в случае, если они у тебя получатся, ты не избежишь искушения кому-нибудь это продемонстрировать. А когда продемонстрируешь, то, Штурман изобразил парадную музыку и дробь барабанов: «Та-та-та и снова в нашем цирке». Ну, дальше ты поняла, и так далее по наезженной уже задолго до тебя схеме: Признание людей, ты – звезда! Возвышаешься надо всеми! Ловко жонглируя.

Пилот: Хватит, перестань уже издеваться!

Штурман: Я что, я ничего, да вот только именно так всё это и заканчивается. Есть, правда, и другой вариант. Если фокус не получается, то человек делает вид, что это в принципе сделать было невозможно! Знаешь, есть в этом такой утешающий момент, мол: «Я не виноват(а), этого просто не

может быть в природе, поэтому у меня ничего и не вышло!»
И знаешь почему так получается?

Пилот: И почему?

Штурман: А потому что люди не владеют даже собой, а хотят владеть миром! Вот ты, например?

Пилот: А что я?

Штурман: А кто вчера распсиховался из-за того, что перед ней забрали последнюю порцию её любимого мороженого!?

Пилот: Я не психовала!

Штурман: Внешне-то да, не спорю! Но какая волна ярости и обиды на несправедливость всего сущего прошла в мыслях! В общем, я долго смеялся! Ай-яй-яй. А ведь взрослый человек! Так психовать из-за пачки мороженого!

Пилот: Уйди, гад! Ты можешь хоть на минуту оставить меня в покое?

Штурман, улыбаясь: Ладно, гад уходит. А ты подумай.

Глава 5. Спасать, иль не спасать, вот в чём вопрос

Штурман наблюдает, как пилот при помощи листочка тетрадной бумаги пытается вытащить паука, который угодил в пустую ванную, и никак не может из неё выбраться.

Через некоторое время Штурман не выдерживает: Ну, и что это мы такое делаем?

Пилот: Я хочу его спасти, ему самому не выбраться, у него лапы соскальзывают.

Штурман: Не лапы, а ноги. Не зря ж их прозвали – членистоногие, слышала ж, наверное?

Пилот молча продолжает ковыряться с листочком, пытаюсь подцепить им паука, который испугавшись, начинает носиться по ванной как угорелый.

Штурман: А просто рукой взять не проще?

Пилот: Ты что! Я ж его боюсь!

Штурман насмешливо: А, простите! Я забыл!

Некоторое время он молча наблюдает, затем не выдерживает: Я смотрю, вы оба в ужасе друг от друга. Если боишься его, зачем собираешься спасти?

Пилот: Да не могу я смотреть, как он безуспешно карабкается. Не люблю отчаяния. Он так борется, надо дать ему шанс.

Штурман задумчиво: Жалость? Дать шанс? Ну, ежели борется.

Вдруг пилот взвизгивает и начинает энергично трясти листком. Штурман видит как паук зацепился за листок, а пилот, вытащив, наконец, его из ванной, пытается теперь стряхнуть паука на пол. При этом лицо пилота выражает крайнюю степень ужаса, т.к. паук не понимая, чего собственно от него хотят, и начинает ползти по листку к руке пилота. Через мгновение энергичные действия пилота всё же приводят к результату, и паук срывается и падает на пол. Пилот снова взвизгивает и отскакивает в сторону.

Воспоминания штурмана.

Разговор телепатический в виде образов и эмоциональных волн. Приблизительный перевод на русский.

Штурман: Оставь это!

Пилот: Я заберу его!

Штурман: Мы не должны вмешиваться, это ИХ жизнь.

Пилот: Я знаю, но я заберу его! Его убьют! Они уже приближаются, я чувствую!

Штурман: Да, убьют. Здесь так принято, таков их мир, и в нём свои правила, понимаешь? И по правилам ящеров, самок и детёнышей, оставшихся без покровительства самца, стая убивает. Его мать уже мертва и он разделит её судьбу.

Пилот: Нет, не разделит! Я заберу его.

Внизу, рядом с умершей от истощения самкой дракона по песчаной земле беспомощно ползал маленький чёрный комок.

Штурман: Жалость? – Скверное чувство! Помнишь, что было, когда ты пожалела того здоровенного паукообразного?

Пилот: Не имеет значения!

Штурман: «А я всё же напомним. Он сожрал тебя».

И продолжил с кривой усмешкой: «Должно быть, в знак высшей благодарности за спасение. И нам тогда пришлось сделать тебе новую оболочку»

Пилот: Паукообразные не знают, что такое благодарность, я знала об этом и знала, что они опасны и сама допустила ошибку, подпустив его слишком близко.

Штурман: А драконы не опасны? Ты хочешь сказать, эти существа, пожирающие своих беспомощных детёнышей и убивающие одиноких самок, не опасны? Кстати, этот детёныш – самец. Ты хоть представляешь, насколько они агрессивны? Или ты снова хочешь обогатить свой опыт незабываемыми впечатлениями?

Пилот инстинктивно передёрнулась от внезапно накативших мыслей о том «пауке». Хотя картины и сами ощущения того страшного для неё момента и были стёрты, но на базовом уровне память о событии сохранилась.

Штурман: Ты не можешь спасти всех. И даже если можешь, то не должна.

Пилот: Всех не могу, но этого я всё равно заберу. Я выращу и воспитаю его сама. Я что-то чувствую. Он «позвал» меня. Ты поможешь мне вытащить его отсюда?

Штурман (усмехаясь): А у меня есть выбор?

Пилот (улыбаясь): Вообще то – нет.

Штурман (тоже улыбаясь): И каков тогда у нас план?

Пилот: Думаю, торнадо вполне подойдёт. Они не редкость на этой планете. Ящеры и не поймут, что произошло. Планы их мира не будут нарушены. Для них детёныш про-

сто погибнет в вихре. Его исчезновение будет выглядеть абсолютно логичным для них.

Штурман: Что ж торнадо так торнадо, сейчас организуем.

Глава 6. Колебательность

Она делает зарядку и, не прекращая упражнений, обращается к штурману: Слушай, вот ты всё время говоришь: «Начни с себя, начни с себя, хочешь изменить мир – измени себя» Ты вправду в это веришь?

Штурман: Не отвлекайся! Какой прок от твоих упражнений, если ты болтаешь или думаешь «без умолку». Где твоё сосредоточение, где концентрация?

Пилот на некоторое время замолкает. Заканчивает упражнения и продолжает: А всё же? Ну, стану я аки паки ангел поднебесный. И буду вся такая совершенная и правильная, но другие то от этого разве изменятся?

Штурман (усмехаясь): К твоему сведению, и если уж говорить начистоту, то до ангела тебе ещё очень и очень далеко. Так что не стоит волноваться об этом.

Пилот (иронично): Мне до ангела далеко? А тебе близко?

Штурман: А что, мы меня сейчас обсуждаем?

Пилот: Нет.

Штурман: Тогда вернёмся к твоему вопросу. Но сначала правило первое: Перестань всё время смотреть, что делают или не делают другие. Это – их проблема. А твоя – что делаешь или не делаешь ты сама. Ты спрашиваешь, изменится ли что-нибудь, если ты будешь заниматься собой? Тогда ответь мне на вопрос: Ты считаешь себя изолированной системой?

Пилот: В каком смысле?

Штурман: В прямом. Понимаешь ли, люди почему-то думают, что их оболочка напрочь отделяет их от окружающего мира. Каждый считает себя эдаким изолированным центром: «Моё тело, мои мысли, мои чувства». Хотя, если покопаться, то, по сути, каждый человек не что иное, как информационный пакет в общем информационном поле. Смодулированный особым образом вибрационный энергетический контур, набор частот, энергетическая волна, закодированный сигнал, интерференционная картина, голограмма, «сайт» в «интернет сети». В общем, можешь самостоятельно продолжить цепочку аналогий, если захочешь. Изолированность человеческого существа – это исключительно его собственная придумка. На самом же деле.

Вот представь только, ты пошевелила пальцем и информация об этом «грандиозном» событии пронеслась по всему энергопространству. Ты только о чём-то подумала, и тем самым уже сделала запись в некой глобальной сети, кото-

рую почему-то здесь некоторые обозвали хрониками Акаши. Странное название, на мой взгляд.

Он помолчал несколько минут, затем продолжил: Ты в чём-то изменилась, и эти изменения тут же всколыхнули всё сущее. И для этого, в принципе, не обязательно даже извещать об этом окружающих. Волна от тебя уже пошла. И она неизбежно окажет влияние на всю систему и на других людей, в частности. Изменения уже начались!

Пилот (с сомнением): Мистика! Не слишком уверена, что изменения лично во мне затронут и других.

Штурман (улыбаясь): Мистика? А со мной болтать не мистика?

Пилот в замешательстве.

Штурман: Хорошо, оставим вопрос про мистику. Давай, грубый, но понятный пример: Ты находишься в каком-нибудь помещении, в котором кроме тебя есть ещё люди. И вдруг, какой конфуз! Ты испортила воздух! Гороха, например, наелась.

Пилот: Я бы попросила!

Штурман (смеётся): Хорошо, хорошо. Ладно, пусть кто-то другой испортил воздух. И нечего так стесняться есте-

ственных процессов. В общем, как думаешь, остальные люди узнают об этом маленьком происшествии, или нет? Окажет ли это на них какое-либо воздействие? Или для того, чтобы на них это оказало воздействие, и они что-то почувствовали, надо обязательно во всеуслышание проорать на весь зал. «Народ! Я только что воздух испортил!?»»

Пилот: Н...

Штурман: Правильно! Вовсе не обязательно. Хотя, полагаю, громогласное заявление усилило бы эффект!

Итак, повторяю ещё раз: Ты подумала и всё! – «Запись» сделана, и она доступна всем! Пример – Интернет. Ты же понимаешь, люди не изобрели ничего нового, только попытались грубо скопировать то, что уже есть. В интернете каждый может создать свой сайт, завести электронную почту, написать что-либо. Это некое общее информационное пространство, отражающее мысли и чаяния довольно большей части человечества. А в перспективе и всего человечества! Мда.

Штурман осёкся: Как посмотришь на эти «мысли и чаяния», так... Какие у нас там самые посещаемые сайты, не подскажешь?

Пилот: Я...

Штурман (с улыбкой): Я тоже стесняюсь это произнести.

Так вот, получается, чем заполнишь «интернет пространство», то и получишь! И именно такое влияние и окажешь на окружающих, а они под воздействием твоего влияния окажут влияние на тебя, а ты под воздействием их влияния окажешь влияние на них, а они под воздействием твоего влияния окажут влияние на тебя, а ты под воздействием их влияния окажешь влияние на них, а они...

Пилот: Перестань, перестань, я уже всё поняла. Заколело даже уже.

Штурман: Ага! Так я и объясняю воздействие информационного колебательного контура. Доходчиво, правда?

Глава 7. Страхи

Пилот читает: «Продолжай свой путь, хоть он и бесцелен. Не стремись разглядеть, что вдали. Просто иди вперёд, но только не туда, куда гонят тебя твои страхи» Руми.

Воспоминания пилота.

Пилот в состоянии глубокой печали и задумчивости. Пишет стихи в японском стиле:

Не говори, если не чувствуешь.

Как мусор роняешь слова.

Цветы осыпаются.

Политые ядом.

Штурман: Хватит киснуть, пилот! Ты же знала, что так получится.

Пилот: Наверняка и точно не знала.

Штурман: Но ты же видела какой он человек? Видела! Да и я тебя предупреждал. Но ты сама на всё закрыла глаза, разве нет?

Пилот (вздыхая): Видела. Предупреждал. Закрыла. Всё равно чего-то грустно. Мне показалось.

Штурман (*тихо*): Не показалось. Так оно и есть. Он – пилот, но пилот потерявший управление и контроль над собой. Жаль, что он оказался таким, неготовым к обычной жизни. Он был бы готов скорее к войне, а тут... Знаешь, иногда мирная жизнь сложнее, чем война. На войне вот ты, а вот – враг, а тут эдакое коварство, скрытое под обыденностью. Маленькие испытания каждый день. Они такие маленькие, что мало кто их замечает. А мысли текут, а поступки совершаются. Кап, кап, кап.

Пилот вздыхает: Знаешь, когда на него накатило, он мне сказал: «Ты думала я каменная стена, а я оказался просто картонкой»

Штурман (*ворчливо*): Опять она? Жалость? Скверное чувство. Чего совсем распереживалась-то? Любви-то всё равно не было никакой. С твоей стороны уж точно. Напридумывала просто себе всякого. Короче, не переживай! Сейчас ты всё сделала правильно, и так это слишком долго тянулось. Это не твой человек, ты же знала. Ну, или догадывалась.

Пилот: Да, слишком долго. Любви не было, догадывалась. Зачем я вообще?

Штурман (*ворчливо*): Зачем, зачем. Затем, что кто-то

мне говорил, мол, всё надоело, отстань от меня, хочу быть просто человеком, жить нормальной человеческой жизнью и тому подобное. Было?

Пилот: Было...

Штурман: Вот и получила, чего просила – нормальная человеческая жизнь. Всё по среднестатистическому человеческому стандарту! В общем, всё как у людей! Идеальное исполнение твоего «заказа», тебе так не кажется?

Пилот: Кажется...

Штурман: Ладно, не куксись. Ничего не бывает зря. Зато новый опыт, и новые уроки и, в принципе, без особых потерь. Поверь мне, бывает гораздо хуже.

Пилот: И какие уроки?! Нафига всё это было надо!? О чём я думала!? Дура!

Штурман: Здравсьте пожалуйста! Теперь у нас самобицевание началось. Уроки какие спрашиваешь? Что ж повторим?

Пилот: Да что повторять то, было всё как у всех, сам же сказал. И этот страх, страх, страх вечно гонит. Страх чего-то не успеть, страх чего-то недополучить, страх, что годы уходят.

Штурман с улыбкой продолжает: Годы уходят, годы проходят, а у тебя всё не как у людей?

Пилот (вздыхая): Да! Всё не как у людей. Страх одиночества.

Штурман (*шутливо*): Одиночества? А как же я!? Я же с тобой!

Пилот: Да перестань ты! Мне не до шуток. Ты же понимаешь, о чём я говорю. А тут ещё померещилось чего-то в нём. Думала, а вдруг.

Штурман: Я же сказал, не померещилось.

Пилот продолжает, не слушая штурмана: Но на поверку, одиночество вдвоём оказалось гораздо хуже. Вот она тебе – обычная стандартная, как ты сказал, СРЕДНЕСТАТИСТИЧЕСКАЯ, человеческая жизнь. Не хочу так, не могу. Если кого-то это устраивает – это их выбор, а мне такое не нужно. Жить, вообще, стоит только ради любви, всё остальное здесь чушь, не стоящая ломанного гроша!

Штурман (*улыбаясь*): Любовь? Так её можно прождать знаешь сколько! А как же годы? Уходят ведь? Не страшно?

Пилот вдруг иронично усмехнулась: Представь себе, уже нет! Не страшно!

Штурман: Так, значит оно того стоило. Считай, что от этого страха мы избавились. Я тебе тогда ещё сказал, если твоим решением руководит подспудный страх, то, скорее всего, это неверное решение.

Пилот: Ты хочешь сказать, что страх вреден? А разве страх существует не для того, чтобы мы стремились избегать опасности и тем самым сохранить свою жизнь?

Штурман: Ты говоришь скорее об осторожности, иначе говоря, о неторопливости, продуманности и внимательности в действиях, а не о страхе. Существует, понимаешь ли, очень тонкая разница между осторожностью и страхом. И многие путают эти понятия. Страх всё же ближе к некому безотчётному состоянию, неосознанному, я бы сказал к панике. Можно ли находясь в панике принять верное решение?

Пилот: Нет.

Штурман: А вот и неправильно! По теории вероятности даже это возможно. Но вероятность такого события ничтожна мала. Понимаешь?

Пилот (вздыхая): Понимаю.

Штурман (с улыбкой): Кстати о любви? А как ты узнаешь, что это Она – Любовь? А вдруг опять померещится

что-то? Уговоришь снова себя, мол, вроде как, наверное, это оно? Или примешь что-то другое за любовь, как и делает здесь большинство? Резко вспыхнувшие эмоции, ну, там знаешь, весна, гормоны, то да сё.

Пилот (*твёрдо*): Если страха нет, и ничто тебя не гонит, взор не затуманен. Думаю, уговаривать себя не придётся. С гормонами тоже как-нибудь разберёмся.

Штурман (*улыбаясь*): Вот этот настрой мне нравится гораздо больше! Так держать!

Глава 8. Смерть всего лишь начало

Пилот читает: «Смерть вовсе не обязательный удел каждого живого существа. Скажем, бактерии бессмертны. В лабораториях, где им создана благоприятная среда, они живут неограниченно долго. Да и некоторые линии раковых клеток человека живут в пробирках уже около 100 лет, и умирать не собираются. Почему же должны умирать клетки человеческого организма? Да в том то и дело, что они, как правило, не умирают от старости. Они заканчивают самоубийством» (Директор НИИ физико-хим. биологии МГУ В.П. Скулачѳв)

Пилот сама себе: И не удивительно, что они заканчивают самоубийством, в этом аду, который люди создали сами себе, это, пожалуй, единственный способ избавиться от долгих мучений. Если бы не животный ужас оболочки перед смертью, люди кончали бы самоубийством пачками. А кто виноват? Никто! Сами!

Штурман: Что за пессимизм тутa у нас? Что за суицидальные настроения?

Пилот: Да так, рассуждаю сама с собой.

Штурман: Не нравится чего-то мне, когда ты начинаешь рассуждать в таком ключе.

Пилот: А что, штурман, ты бы не рехнулся от такой жизни? Сумасшедший дом!

Штурман: Ну, предположим, если бы всё было так хреново и бесперспективно, то тебя бы здесь не было. Раз ты здесь, значит, не всё ещё потеряно. Так что пессимизм – в сторону!

Пилот: Штурман, а ты веришь в бессмертие?

Штурман (смеётся): Разумеется! И ты веришь, вернее знаешь. Знаешь, что это – абсолютно реально.

Пилот: В данный момент я знаю только то, что ты мне сказал, что, я якобы что-то знаю. И не более того. Так каким образом мы бессмертны? Переселение душ и тому подобное?

Штурман: Так тоже можно. Но, я говорил и о возможности бессмертия оболочки в том числе. Полагаю, ты в курсе, что организм способен к регенерации?

Пилот: Способен, но не к бесконечной же?

Штурман: Именно к бесконечной! Если только он сам не захочет умереть.

Пилот: Кто ж хочет умереть то?!

Штурман: А кто только что говорил: «Не удивительно, что они заканчивают самоубийством, в этом аду»? Это же и есть подсознательная программа самоубийства! То есть мир воспринимается как неблагоприятный для жизни и организм хочет из него уйти.

Если человек большую часть времени не доволен своей жизнью, то какой смысл ему в ней задерживаться? Посмотри на общий эмоциональный настрой людей – радуются они ничтожно мало, а в основном, что мы видим? Недовольство собой, недовольство жизнью, недовольство другими людьми. Зависть это тоже недовольство. Жадность – боязнь потерять имущество, опять недовольство. Бесконечная конкуренция друг с другом и снова недовольство, недовольство, недовольство.

Ведь у кого-то больше, у кого-то лучше. А иногда люди ненавидят свою жизнь, потому что родились в неблагоприятных условиях, и полагают, что не способны что-либо изменить. Что в результате? В результате мы имеем подсознательную программу отторжения этого мира и, как следствие, программирование организма на самоубийство.

Пилот: Погоди, есть же люди, которые живут в хороших

комфортных условиях и вроде довольны всем, но при этом умирают то они, как и все!

Штурман: Во-первых, ты точно не знаешь, всем ли они на самом деле довольны. Материальное благосостояние здесь не показатель совсем. И ты не знаешь, КАК ЧАСТО они довольны. Да, если сравнивать, то возможно, они более довольны, чем остальные, но даже они находят для себя кучу причин не радоваться жизни. И ты, опять-таки, не знаешь, как они шли к своей комфортной в физическом плане жизни, и какого «энергетического мусора» они накопили за всё это время. А потом, а потом есть ведь пример окружающих.

Пилот: ???

Штурман: Да, да, как это ни странно – пример окружающих. Вокруг-то все умирают! По типу, так здесь принято. Мы ж с тобой говорили, что человек не изолированная система. Вот и получается, что раз все умирают, значит и они должны.

Пилот: То есть выходит, что те, кто от тяжёлых условий жизни или по другим причинам подсознательно не хотят жить долго в этом мире, и как бы включают у себя программу смерти, они тянут за собой тех, у кого ситуация значительно лучше?

Штурман: Что-то типа того. Поэтому некоторые люди наивно считают, что вот им сейчас хорошо, а другие пусть как хотят! Неет, друзья мои, энергия не останавливается, она распространяется и распространяется! И энергия, программа Смерти, в том числе.

Пилот: Погоди ка! А как же животные!? Они же вообще едят друг друга! Тут ведь тоже должна работать «программа Смерти»?

Штурман: Да, животные едят друг друга, а люди едят животных! И отдают за это часть своей жизни! Действует это примерно так: «Убил – создал себе программу смерти». Вернее будет сказать, заразился ей от того, кого убил! Всё ж взаимосвязано.

Пилот: Но животные же невиноваты! Их же такими создали! Они вынуждены это делать. И мы вынуждены.

Штурман: Причём здесь виноваты или невиноваты? Ты рассматриваешь смерть, как наказание какое-то, но ведь это не совсем так. Не всегда так. Сама же в начале говорила, повторить?

Штурман: «И не удивительно, что они заканчивают са-

моубийством, в этом аду, который люди создали сами себе, это, пожалуй, единственный способ избавиться от долгих мучений. Если бы не животный ужас оболочки перед смертью, люди кончали бы самоубийством пачками».

Пилот: Запутал ты меня совсем!

Штурман: Это только выглядит запутанным. Это выглядит запутанным, так как ты сейчас рассуждаешь как человек, с его категориями «*хорошо*», «*плохо*». А ведь одна и та же вещь может быть и хорошей и плохой, смотря к чему её применить. Вот смерть это плохо?

Пилот: Если рассуждать, как ты сказал, с человеческой точки зрения – плохо!

Штурман: Плохо? А ведь она даёт возможность сменить, если можно так выразиться, «декорации», «выйти из игры, когда игра надоела», избавиться от страданий, в конце концов!

Пилот: С избавлением от страданий мне всё ясно, а вот остальное это, если только ты во всё это веришь!

Штурман (*улыбаясь*): Ты даже не представляешь насколько ты права! Именно! Если только ты в это веришь!

Помнишь это: «И по вере вашей будет дано вам!».

Пилот: Я немного о другом хотела сказать.

Штурман: А сказала именно так. Ладно, давай вернёмся к животным, и тому, что им приходится друг друга есть. Итак, в путь! К истокам! Мир создан таким образом, чтобы он мог функционировать как бы на автопилоте, без внешнего вмешательства, как некий вечный двигатель, «Перпетуум Мобиле», понимаешь! Вопрос на засыпку: Что у нас ни начинается ни заканчивается?

Пилот: Замкнутая линия.

Штурман: Можно назвать это кругом. Или циклом. То есть все процессы в мире должны иметь циклическую природу, и тогда они бесконечны! Вся структура Жизни на Земле – это циклы, включённые друг в друга. Животные включены в общий цикл. Они рождаются и умирают, и рождаются заново! В новых оболочках. Они включены в пищевые цепочки, которые также являются циклами. Это как бы некий автоматический самоконтроль биологической оболочечной массы, позволяющий ей не расползаться, как раковой опухоли и находиться в состоянии равновесия в данной системе. Есть ещё много-много других циклов.

Пилот: Получается, Жизнь ходит по кругу?

Штурман: Не совсем. Ежели представить некую модель, то скорее по спирали. Но всё не так просто. Круг – двумерен, спираль – трёхмерна. Хотя в проекции для двумерных существ имеем тот же круг. Далее представим эту спираль уже в виде нити, тогда окажется, что эта трёхмерная нить тоже свёрнута в спираль. Это будет уже 4-е измерение (4D) и, находясь в 3-м измерении (3D), ты это также не увидишь. Далее эту спираль мы завернём в следующую спираль. Помнишь, изучала как-то в универе, что такое фрактал?

Пилот (смеясь): Помнить? С моим-то объёмом памяти?

Штурман: Счас, откопаем в твоём, кхе-кхе, объёме. Во! Нашёл! Фрактал – сложная геометрическая фигура, обладающая свойством самоподобия, то есть составленная из нескольких частей, каждая из которых подобна всей фигуре целиком.

Пилот (задумчиво): «И создал Бог человека, по образу и подобию своему».

Штурман: Не отвлекайся, пожалуйста.

Пилот: А что в конце?

Штурман: А нет никакого конца. Я ж те говорю – «Пер-

петуум Мобиле»!

Пилот: Так какое отношение всё, что ты мне тут наворотил, имеет к бессмертию? Каким образом люди могут сохранять физическую оболочку сколько они захотят?

Штурман в отчаянии со стоном «хватается за голову»: А самой никак не догадаться?

Пилот (*ехидно*): Так ты ж у нас самый умный! Не моё это дело догадываться! Помнишь, как ты мне сказал: «Ты пилот – ты и действуй». Вот и я тебе: «Ты штурман – ты и думай!»

Штурман (*улыбаясь*): Надо же, какая злопамятная! Кто бы мог подумать.

Глава 9. Убирать ли за собой, вот в чём вопрос

Пилот в гостях у подруги. Эдакие дамские посиделки.

Подруга пилота: Значит, по-твоему, наша цивилизация не прогрессирует, а деградирует?

Пилот: Как ни прискорбно, получается, что да! Вот представь себе на минутку, что есть очень развитые цивилизации и некоторые из них жили когда-то на Земле. Так вот, все наши достижения по сравнению с ихними просто смехотворны. Более того, то, что мы гордо называем прогрессом, для них всего лишь плод больного разума. И вся наша, так называемая цивилизация, со всеми её техническими достижениями похожа на сумасшедшего, который днём и ночью, не покладая рук, «пилит и пилит сук, на котором сидит».

Подруга: Хорошо, вот они такие сверхразумные, жили когда-то на Земле и куда они делись?

Пилот: Ушли в другие миры. Я не в фигуральном смысле говорю, не умерли они, короче. Просто ушли.

Подруга: Да? Ушли? Но должны же были остаться после них хоть какие-то следы?

Пилот: ВЫСОКОРАЗВИТЫЕ цивилизации следов после себя не оставляют.

Воспоминания пилота (*пилот общается со штурманом*).

Пилот (*горячится*): Ну, и? И где же следы этих высоко-развитых цивилизаций? Где артефакты то???

Штурман (*улыбаясь*): Сказал бы я тебе, вернее, показал бы я тебе, где эти самые артефакты, только вот пальцем тыкать неприлично как-то.

Пилот: Я не шучу, между прочим. Давай серьёзно.

Штурман (*с усмешкой*): Я тоже. Впрочем, об артефактах. Ты, конечно же, имеешь в виду величественные дворцы или, на худой конец, остатки битых глиняных горшков?

Пилот: Да уж, хотя бы так! Ведь нет же ни-че-го!

Штурман: М-да, какой грубый и пошлый материализм. Хорошо, давай ка рассмотрим ещё один примерчик.

Пилот: Давай.

Штурман: Предположим, некая компания друзей выеха-

ла на пикничок. Ну, там водка, селёдка, все дела и прочие кулинарные изыски.

Пилот: А водка так уж обязательна?

Штурман: В данной местности? Полагаю, без этого вряд ли обойдётся. Но, если хочешь, водку можно выкинуть. Против селёдки ты, надеюсь, никаких возражений не имеешь? Нет? Тогда продолжим. Так вот, посидели ребята, погалдели, собрались и улетели. Э, в смысле, уехали, оставив после себя всякие там консервные банки, бутылки и тому подобную дребедень. Что скажешь о них?

Пилот: Да, бараны они тупые!

Штурман (поморщившись): «Фу, как грубо. Ты же девушка! И не надо обижать ни в чём не повинных животных! Известно ли тебе», – менторским тоном продолжил штурман, – «что некоторые бараны значительно превосходят по своему развитию некоторых, прости за ругательство, хомо-сапиенсов»!

Пилот: Да я и...

Штурман: Ладно, ладно, я знаю, что ничего такого ты не хотела сказать. В общем, целом, твоё замечание по поводу этих граждан, которые умотали с пикничка, верно. К

сожалению, они реально не слишком умны. Иначе говоря, на сегодняшний день, уровень развития их мозга и сознания не в состоянии просчитать последствия своих поступков на несколько шагов вперёд. Но главное даже не это! Главное – это не неумение. Если не умеешь, то можно научиться. Самое неприятное – это их нежелание учиться, нежелание ничего просчитывать и нежелание брать на себя ответственность за свои действия, и в соответствии с этим контролировать себя самих.

Итак, что мы имеем? А имеем мы особой мало чем отличающихся по своему поведению от приматов, которых они, видимо, по этой самой причине интуитивно и вполне справедливо, считают своими предками. От обезьян их отличает разве только почти полное отсутствие волосяного покрова, да ещё одежда, которая отчасти, вероятно, предназначена для того, чтобы скрывать их обрюзгшие тела, которые они также с успехом превращают в настоящие мусорные вёдра.

Ладно, отвлеклись. Снова вернёмся к вопросу: «Так оставит ли после себя высокоразвитая цивилизация какие-то следы, то есть то, что ей уже больше не нужно – мусор, короче»?

Пилот: Нет.

Штурман: Прааавильно. По-настоящему развитая цивили-

лизация никаких следов после себя не оставляет.

Пилот: А если внезапная катастрофа?

Штурман (иронично): Внезапная катастрофа?

Внезапно, это, видимо, как здесь в России у некоторых чиновников? Вот для них даже зима из года в год начинается как-то очень внезапно. Никогда, видишь ли, здесь зимы не было, а тут вдруг бац, и началась! От, горе то!

Пилот: Не совсем. Я имела в виду, что разве можно предусмотреть всё на свете?

Штурман: Всё, всё? Нельзя. Но очень, очень многое можно! И этого, как правило, оказывается более чем достаточно. И тогда ты уже не бежишь всё время, за уходящим вдаль поездом, который, между нами говоря, вряд ли удастся догнать, а управляешь им, формируя свою реальность. Люди на Земле живут как временщики, согласно их любимому лозунгу: «После нас – хоть потоп!». Они полагают, что на их век хватит, а дальше, а дальше расхлёбывать последствия их действий будут уже не они. Ой, как они ошибаются, как ошибаются. Как я уже говорил неоднократно: Энергия, порождённая однажды, никуда не исчезает и по принципу бумеранга, она обязательно найдёт своих создателей, где бы они ни находились.

Пилот: Значит, высокоразвитые не оставляют следов?

Штурман: Да. Если только они намеренно не хотят их оставить.

Глава 10. Малыш

Воспоминания штурмана. *Примерный перевод с об-разно эмоционального языка.*

Штурман: Слушай, ты бы повлияла как-нибудь на этого зверя. Он же вообще приблизиться к тебе не даёт! Ещё и в контакт постоянно вмешивается.

Пилот («глядя» дракона): Он не зверь, ты только посмотри ему в глаза! Какой красавец!

Дракон (ящер) «поёт», ещё синоним «мурлычет», весь его вид и энергия выражает удовольствие. Его «чешуя» переливается при попадании на неё света.

Он вырос и стал совсем не похож на тех существ, представителей его расы, чёрных как уголь, звероподобных, со слабыми зачатками разума. Он очень «очеловечился», много знал, прекрасно владел телепатическим языком, да и внешне был просто великолепен.

Штурман: «Я не спорю, он, конечно, красавец! Но и вредина он ещё тот!», – далее штурман продолжил тихо, как бы

сам себе, – «и я даже знаю в кого он такой пошёл».

Дракон на мгновение прервал свою «песню», оторвав неподвижный взгляд от пилота, и как-то очень странно взглянул на штурмана. Сверхъестественные глаза! Какой великолепный разум. Лёгкое движение хвостом, почти «человеческая» озорная искорка в глазах и... «подножка».

Штурман «поперхнулся»: Ах ты!

Пилот по-матерински любовно дракону: Малыш, ну, что ты делаешь? Оставь его в покое, он же шутит.

Штурман, глядя на гигантского ящера, тихо сам себе: Малыш????

Глава 11. Принцип бумеранга

Воспоминания пилота.

Пилоту 8 лет по *Земному летоисчислению*.

Она возвращалась из школы, когда её одноклассник догнал её. Он был самым сильным мальчиком в классе, только вот силу свою он направлял отнюдь не на хорошие дела. Так было и в этот день. Когда он догнал её, он ни слова не говоря, просто со всего размаха ударил её под колено ногой, обутой в жёсткий ботинок.

Щёлк! У неё что-то как будто замкнуло в голове и молниеносное видение за секунду пронеслось перед глазами: Шум, шум в ушах, крики, всё кружится как бы в тумане, звон и отвратительный скрежет металла о металл, но громче всего стук собственного сердца «бум, бум, бум» и дыхание. Мелькание оружия, удар сбоку, она почти успела увернуться, почти. Запнулась о чьё-то упавшее к её ногам тело. Ничего не почувствовала, только нога вдруг отказалась подчиняться. Она упала на одно колено. Из-под кожного наколенника потекла тонкая струйка крови, которая всё расширялась и расширялась. Это означало – Смерть, не от раны, рана была

не столь опасна, а из-за потери подвижности, долго она не протянет, отбиваясь от нападавших, стоя на одном колене.

Щёлк. Видение исчезло.

От удара ботинком под коленом у неё вздулась кровавая ссадина. От боли на глазах выступили слёзы. Она обернулась к нему и почти умоляющим голосом произнесла: «Мне больно»

«Я ЗНАЮ», – только и ответил он с кривой усмешкой.

Ни боль, ни страх, ни что так не потрясло её как эти его два слова: «Я знаю». Что-то случилось тогда в её сознании от этих двух слов. Она могла простить, если причиняют боль по незнанию, это было так типично для детей, но он знает и делает!!!

«Я знаю, я знаю, я знаю», – так и застряли эти слова у неё в голове. И тогда она со всей страстью своей души мысленно прокляла его самым страшным проклятием, какое только могло прийти ей тогда в голову.

Так *«джин был выпущен из бутылки»*.

Пилот очнулась от своих воспоминаний и прошептала: «*Я не понимала, что я делаю, я не понимала, не понимала этой силы*».

Пилоту 33 года по Земному летоисчислению.

Она не знала откуда ещё ждать удара. Отец находился в больнице после перенесённого инфаркта, и каждый день она боялась, что случится худшее. На работе, как в самом пошлом и дурном кино, её подставили. Такое было с ней в первый раз. И ей до сих пор не верилось, что этот бред происходит именно с ней. После того, что произошло, она больше не могла там оставаться, и она подала заявление об увольнении. Так она осталась ещё и без работы, а на лечение отца могли понадобиться деньги. На нервной почве у неё резко ухудшилось самочувствие. И даже её любимый кот и тот вдруг сильно заболел. Казалось, вокруг неё сгущаются какие-то тучи, её как будто затягивало в какой-то чёрный водоворот. Её бывший, когда она в отчаянии всё же позвонила ему и рассказала про свои беды, задумчиво в разговоре, вдруг ни с того ни с сего бросил фразу: **«Всё равно кто-то умрёт»**.

«Кто-то умрёт», – именно это она и чувствовала сама, энергию смерти и эта энергия кружила вокруг неё, будто выбирая себе жертву.

Отец всё ещё лежал в больнице, когда кот стал резко сдавать. Она пыталась его лечить и, хотя обычно он всегда сам приходил к ней за помощью, когда болел, тут вдруг стал пря-

таться, чуть ли не уползать от неё.

Кот.

Пилоту 17 лет по Земному летоисчислению.

Она гуляет с подружкой. Это было их последнее школьное лето. Навстречу им по дорожке шли две женщины, у одной в руках была старая хозяйственная сумка.

Одна из женщин: Девочки вам нужен котёнок?

Пилот ненавидела такие вопросы, ей всегда было жалко этих, никому не нужных котят, но она не могла устроить у себя дома зоопарк и собрать всех, кого ей когда-либо было жалко. Будучи совсем маленькой, она часто приносила домой больных птичек, но никто не умел их лечить и они всё равно погибали. Она никого не хотела больше брать. И котёнок ей тоже был не нужен. Не нужен он был и её приятельнице.

– Нет спасибо, нам не надо, – ответили пилот с её приятельницей почти хором. И в эту самую минуту из хозяйственной сумки высунул голову котёнок и слабо мяукнул. Мяукнул, как бы позвав о помощи, и снова исчез в сумке.

Женщины прошли мимо, пилот с её подружкой также пошли своей дорогой. После встречи с этими женщинами настроение у пилота резко испортилось, у неё не выходил из головы этот котёнок, он будто ПОЗВАЛ её, будто позвал и позвал именно её, а она прошла мимо.

Прогулка была испорчена. Ей захотелось домой.

– Извини, я не хочу больше гулять, давай по домам, – сказала она приятельнице.

Они распрощались. Пилот могла вернуться домой разными дорогами, но почему-то она выбрала именно этот путь и рядом с музыкальной школой, она снова увидела его, этого самого котёнка! Как и думала пилот, женщины недолго тяготились своей ношей и отдали котёнка первому попавшемуся, кто согласился его взять. Это была совсем маленькая девочка, которую родители выпустили погулять у школы, и сейчас она деловито ковырялась со своими игрушками, а рядом на тонких трясущихся лапах стоял тощий котёнок. Не вооружённым глазом было видно, что он истощён и болен. Женщины бросили его, как игрушку, маленькому, ничего толком не соображающему ребёнку.

«*Не жилец*», – подумала пилот про котёнка и обратилась к девочке: «Откуда у тебя этот котёнок?»

Ребёнок: Тётенки дали.

Пилот приняла решение.

– А тебе родители разрешат его взять? – Снова спросила пилот, почти заранее зная реакцию родителей ребёнка, если она притащит домой грязного больного котёнка.

Девочка, не обращая внимания, продолжала ковыряться со своими игрушками. Пилот уже знала, что она в любом случае заберёт котёнка себе, но ей хотелось всё же попробовать договориться с ребёнком.

– Послушай, – продолжила пилот, а давай мы сходим к твоей маме и спросим её, разрешит ли она тебе его взять. Если да, то он твой, если нет, то я его заберу.

– Нет, – вдруг заупрямилась девочка, – ты оставь его и уходи.

– Послушай, но ведь тебе же не разрешат его взять, – не отступала пилот.

– Уходи, – упёрлась девочка.

«Ну, что ж», – подумала пилот, – «Переговоры не удались». Она резко подхватила потерянно стоящего шатающегося котёнка, он целиком уместился у неё в руке, и также резко развернулась и пошла домой, не слова больше не го-

вора, и не обращая внимание на капризы ребёнка.

Она его всё-таки вылечила. Он вырос.

Странно, как-то раз, она вдруг почувствовала чей-то пристальный взгляд. Оглянулась – кот. И тут она встретилась с ним глазами. Какие сверхъестественные глаза! Какой разум! Она откуда-то знала этот взгляд. Откуда? Что за наваждение.

Тряхнула головой и снова взглянула на кота. Кот как кот, и взгляд вполне обычный – кошачий. Вот он уселся и, как ни в чём не бывало, начал бесстыдно, как это свойственно котам, вылизываться. Странно, минуту назад она могла поклясться, что на неё смотрело разумное существо. Она бы даже сказала, более чем разумное! Как странно.

Пилоту 33 года по Земному летоисчислению.

Кота пришлось усыпить. Она не могла больше видеть его мучений. Когда пилот всё ещё боролась за его жизнь, штурман сказал ей: «Оставь его, он принял решение. Ты же видишь, когда ты пытаешься помочь, он уходит от тебя. Его оболочка всё равно уже не молода и кто-то должен умереть».

По непонятному совпадению, когда кот умер, чёрная воронка, которая засасывала пилота – исчезла. Кот умер. Для

всех это был просто кот. Но в этот день она потеряла не просто кота, а друга, очень старого друга. И в её памяти осталось то видение: «Какие у него сверхъестественные глаза!»

Но это был ещё не конец.

Через некоторое время пилот узнала, что её одноклассник, тот, чьи два слова так потрясли её в детстве, и которому она пожелала смерти – погиб чуть раньше. Ему было тогда, как и ей – 33 года.

«Ты знаешь», – сказала знакомая пилота: *«Говорят, он утонул в каком-то болоте, так и не успели вытащить, затянуло прямо на глазах! Какая жуткая смерть!»*

Пилот очнулась от воспоминаний.

Вот он «*принцип бумеранга*» – энергия всегда возвращается к своему создателю», – тихо произнесла она сама себе, – *«Только нам не известно, когда и как это случится, но это обязательно случится».*

Пилот снова погружается в воспоминания.

Как было сказано, это был ещё не конец. Ещё некоторое время спустя, когда вся эта жуткая история, как казалось пилоту, закончилась. Пилоту приснился сон. В своём сне она видела себя, сидящей в каком-то кабинете. Она сидела за большим столом в кресле босса. Собственно, она и была

здесь боссом. Тут дверь открылась, и зашёл он. Он выглядел иначе, но она его сразу узнала. Это был её погибший одноклассник. Вот он подошёл к её столу. Удивительно, хотя это был определённо он и в этом не было никаких сомнений, у неё больше не было того смешанного чувства страха, отвращения и ненависти, которое всегда возникало, если ей случилось где-нибудь случайно с ним столкнуться.

Он стоял перед ней. И они начали разговаривать. Разговор был о каких-то делах, и сама беседа была очень дружелюбной. Когда они поговорили, он на прощание протянул ей руку. Секунда, она привстала и протянула ему свою. Они пожали друг другу руки. Он направился к двери, у двери оглянулся, посмотрел на неё, улыбнулся и ушёл.

Она проснулась. И внезапно осознала. **Всё! Вот теперь всё! Круг замкнулся.**

Глава 12. И почему люди не летают как птицы

Пилот штурману: Почему люди не летают как птицы? Нет, я спрашиваю, почему люди не летают как птицы?

Штурман: Ооооо... Моя бедная голова!!! Слушай, пилот, а ты вообще знаешь, почему в известной всем сказке про Красную Шапочку волк съел эту самую Красную Шапочку?

Пилот штурману: Почему люди не летают как птицы? Нет, я спрашиваю, почему люди не летают как птицы?

Штурман: Ооооо... Моя бедная голова!!! Слушай, пилот, а ты вообще знаешь, почему в известной всем сказке про Красную Шапочку волк съел эту самую Красную Шапочку?

Пилот: А вот и не съел!

Штурман: «А вот и съел! Это её потом дровосеки извлекли из желудочно-кишечного тракта несчастного волка. И охота ж им было в этом ковыряться, да ещё ради кого!» – пробормотал штурман как бы себе под нос и снова продол-

жил, уже обращаясь к пилоту, – «Так знаешь, почему волк её слопал?»»

Пилот (*ехидно*): Кушать хотел, однако! И почему ж?

Штурман: Да, потому что задолбала она его своими вопросами!!! «Почему у тебя такие большие уши? Почему у тебя такие большие глаза? Почему у тебя такие волосатые руки?»»

Пилот, поправляя штурмана: Большие руки. И про уши там ничего вроде не было?

Штурман: «Да какая разница!» – **Штурман** продолжает, – «Почему у тебя такие большие зубы?», – Вот тут-то беда лага волк и сорвался.

Пилот (*ехидно*): Не хотелось тебе снова напоминать, но ты как-никак мой штурман. Это, можно сказать, твоя святая обязанность отвечать на мои вопросы.

Штурман (*ворчливо*): И не напоминай лучше.

Воспоминания штурмана, «сон» пилота.

Пилот уставилась на поставленный перед ней посреди ши-

рокой безлюдной площади совершенно обычный деревянный стул.

Штурман: И чего встала-то как вкопанная? Садись, давай.

Пилот в полном недоумении молча садится на стул. Внезапно стул быстро, но мягко начинает скользить ввысь. Ощущение, как будто тебя затягивает в небо и сила притяжения к Земле больше не работает. Так, сидя на стуле, она поднимается всё выше, выше, выше.

Пилот сначала ошарашенно молчит, сидит, вцепившись в края сиденья стула руками, и смотрит вниз, наблюдая, как набирается высота. Когда стул поднялся где-то на уровень высотного дома, до пилота доходит суть происходящего. Она в ужасе от высоты, ей начинает казаться, что ещё чуть-чуть и её так и затянет прямо в небо, и она вообще улетит далеко-далеко от Земли в бескрайнее космическое пространство.

Пилот: Ааааааааааааа!!!!!!!!!!!!!!!

Штурман (мысленная передача): Ты чего так орёшь?!
Высоты боишься что ли?

Пилот: Дааааааааааааа!!!!!!!!!!!!!!! Аааааааа!!!!!!!!!!!!!!!

«Падение» пилота в небо останавливается так же внезапно как и началось. На некоторое время она зависает неподвижно на той высоте, до которой успела подняться. Ощущение, как если бы стул стоял на полу. Никаких колебаний и движений.

Штурман техникам: Вы чё с ней сделали то, у меня пилот высоты боится?! Чего!? Сама!? Зачем???? Уму непостижимо!

Стул вместе с пилотом так же быстро и плавно начинает спускаться на землю.

Задолго до описываемых выше событий.

Время учёбы. Пилот ненадолго въехала в пустую комнату университетского общежития, которую ей на время своего отсутствия предоставила её сокурсница. И в один из дней, под утро, пилоту снится сон.

Она находится на улице недалеко от общежития. Раннее ранее утро, вокруг ни души, только она и её однокурсник, с которым она в реальности практически и не общалась, однако в этом сне она занималась его обучением. И учила она его, как ни странно, летать!

Пилот своему однокурснику телепатически: «Всё про-

сто, смотри, в смысле, не только глазами, а почувствуй. Вот вертикальный взлёт».

При этом она что-то мысленно меняет внутри себя, настраивая тело, словно какой-то прибор и быстро взмывает вверх, не меняя позы, стоя так, как она стояла бы на земле. Поднявшись до определённой высоты, она замирает всё в той же позе, потом медленно опускается обратно.

Пилот продолжает: Теперь смотри, вот это горизонтальный полёт.

Снова взмывает вертикально, меняет внутренние настройки, после этого тело плавно принимает горизонтальное положение, параллельно относительно поверхности земли, в этом положении она пролетает некоторое расстояние, затем снова переворачивается вертикально и спускается.

Пилот: В принципе, ты можешь взлетать, как захочешь, хоть сидя в йоговской позе, заломив ногу за ухо. Без разницы.

Однокурсник: Я понял. Настройки ясны.

Пилот: Отлично. Как видишь, всё действительно элементарно. Правда есть нюансы. Например, полёты в разных сре-

дах или НАД разными средами имеют свои особенности. Ты должен применять одну настройку при полёте над сушей и другую – над водой, рекой, озером, морем. Короче, над любым достаточно крупным водным объектом, мелкие лужи не в счёт, они дают не большую погрешность.

После этого она ещё что-то объясняет.

Тут сон пилота прерывается. Она лежит на кровати и недоумённо смотрит на окно напротив себя, словно желая удостовериться, закрыто оно или нет. Чёткое сильное ощущение, что она только что в него влетела не оставляло её ещё несколько минут после пробуждения, и она чувствовала что-то такое. Ей казалось, что вот прямо сейчас она снова с помощью мысли что-то изменит внутри своего организма и снова сможет взлететь! Она даже попыталась что-то изобразить вроде того, но как она ни старалась, так и не смогла вспомнить, что же всё-таки и как именно нужно менять.

Продолжение разговора штурмана и пилота.

Штурман: Значит тебе интересно, как человек может летать без использования технических средств?

Пилот кивает: Ага.

Штурман: Давай размышлять. Тебе, конечно же, знаком эффект, когда магниты одинаковых полюсов отталкиваются

друг от друга?

Пилот: Вроде, знаком.

Штурман: Земля имеет магнитное поле?

Пилот: Имеет.

Штурман: А человек?

Пилот задумалась.

Штурман: Что мы знаем о человеке? Точнее будет сказать, что люди знают сами о себе? А о себе они знают что, по большей части, они состоят из воды. И они знают, что вода является диамагнетиком. Вот так замысловато они это обозвали. Напоминаю, по их формулировке, диамагнетики – это вещества, которые в отсутствие внешнего магнитного поля немагнитны. Однако когда внешнее магнитное поле имеется, то диамагнетик становится похожим на магнит с полюсом таким же, как и у внешнего «магнита» и, соответственно, начинает отталкиваться от него. Получается, что существо, состоящее из воды, в принципе может левитировать во внешнем магнитном поле. А Земля, как мы уже выяснили, его имеет. Так почему ж мы не летаем?

Пилот: Почему?

Штурман: Это я тебя спрашиваю почему?

Пилот (в шутку): Силёнок не хватает.

Штурман: Отчасти верно. Внешнее поле должно быть помощнее или...

Пилот: Или?

Штурман: Вот ещё одна из наводок, которая также известна людям. Им известно, что если магнит поместить над сверхпроводником, то магнит зависнет в воздухе. А если наоборот?

Пилот: Наверное, сверхпроводник зависнет в воздухе? Послушай, штурман, всё это конечно замечательно, но мы то не сверхпроводники. Для них, насколько я помню, нужны очень низкие температуры.

Штурман (шутливо): Замёрзнуть что ли боишься? А вдруг низкие температуры не обязательны? И, что вообще люди по большому счёту о себе знают? Почему они так уверены, что они не могут менять свои свойства по собственному желанию. Вот зачем вам мозги? Ну, зачем, скажи мне, пожалуйста?

Пилот шутливо декламирует, подобно ученику в школе: Мозги нужны для того, чтобы думать!

Штурман: Хватит дурака валять. Обрати лучше своё пристальное внимание ещё и на то, что, по сути, мозг координирует работу всего организма посредством передачи электрических сигналов. То есть и тут мы имеем дело с электромагнетизмом. И не просто электромагнетизмом, а с регулируемым. Не забудь также, что мозг не просто пассивный центр обработки входящей информации, он может ещё и создавать! А вдруг возможны некие настройки?

Пилот: Это ж какие такие настройки то должны быть, чтобы всё получилось и организм не пострадал? И как собственно эти настройки производить? Не-воз-мож-но!

Штурман: Опять невозможно? Во, во. Именно так все и считают. Мол, невозможно и всё тут, и при этом приведут кучу обоснований, почему так. А вот китайцы, например, считали, что в человеке течёт некая энергия «Ци». И ежели направить потоки данной энергии в нужном направлении, то можно сделать своё тело легче или наоборот буквально пригвоздить себя к земле, также можно направить «Ци» таким образом, чтобы нанести сокрушительный удар противнику в бою. А в Индии аналогом «Ци» являлось понятие о Пране. Ничего тебе эта история про потоки энергии не напоминает, аналогия нигде не просматривается, нет?

Пилот размышляет: Пожалуй, во всём этом что-то есть.

Хотя и верится с трудом.

Штурман: Верится с трудом? Ага, конечно. Как может быть иначе! Ведь люди так заботливо строили свой мирок, где можно делать только так, а иначе никак. Они так долго, поколение за поколением обучали этому своих детей и с таким усердием преследовали тех, кто допускал хоть единую мыслишку о том, что есть и другие пути. Не удивительно, что их мир в результате так сильно заостенел, также как заостенели и они сами и у них, как говорится: «Шаг в сторону рассматривается как попытка к бегству – расстрел».

Вот подумай сама, если ребёнок изначально не умеет ходить, то это же не означает, что это в принципе невозможно? И представь ситуацию, что было бы, если б родители, по каким-то причинам утратившие свои способности к прямохождению, и забывшие об этих способностях вовсе, всячески вдалбливали своим детям, что прямохождение невозможно, и что передвигаться следует только на четвереньках. Ведь дети так бы и стали ползать на четвереньках, а потом, конечно же, обучили бы этому своих детей и так далее, так далее, так далее. Как следующий шаг, они потом придумали бы кучу приспособлений, которые могут компенсировать им некоторое неудобство этой позы, и чем больше таких приспособлений, тем меньше у них оставалось бы шансов научиться ходить прямо!

Пилот: Ну да, зачем им ходить прямо, если им, и ползая на карачках, замечательно живётся.

Штурман: Правильно! А теперь снова обрати внимание на людей и их, так называемые, технические достижения.

Пилот (задумчиво): Суррогаты. Кругом одни лишь суррогаты естественных возможностей.

Глава 13. Люди, такие люди

Пилоту не спится. Ворочается с боку на бок, но сон не идёт.

Пилот мысленно, «*тихо*»: Штурман, а штурман.
Отзыва не последовало.

Пилот мысленно «*вопит*»: Штурман!!!!

Штурман: И незачем так орать, я и в первый раз всё прекрасно слышал!

Пилот: А чего тогда не отвечаешь?

Штурман (*улыбаясь*): Да, хотел затаиться, думал, вдруг прокатит. Не прокатило. Чего хотела то, говори?

Пилот: Да не знаю я, чего хочу. Не спится чего-то, давай поговорим?

Штурман: Вот те раз! Ей, видите ли, не спится, значит и все не должны, какой эгоизм!

Пилот (*извиняющимся тоном*): Я не знала, что ты спишь, извини.

Штурман (*весело*): Шучу я, шучу. Штурман никогда не

спит! Он всегда бодр и всегда на своём посту! Так о чём будем говорить?

Пилот: Да, я вот всё думаю, а почему всё же мы просто не скажем людям всё прямо? Всё у нас как-то втихаря делается, разве хорошие дела делаются втихаря?

Штурман: И что ты предлагаешь? Выйти прямо в народ и сказать что?

Пилот: Всё как есть и рассказать, показать.

Штурман: Ага, рассказать, показать. И что после этого изменится?

Пилот: Как что! Люди увидят новые возможности и всё изменится.

Штурман (иронично): Вот наивняк! Как вот увидят, услышат и ВСЁ само собой вдруг да изменится?

Пилот: А что, нет?

Штурман: А что, да? Думаешь никогда, никогда не пробовали? Да ведь ты сама ж... Штурман осёкся. Ай, ладно! Мы с тобой уже об этом говорили. Ты прекрасно знаешь, что люди всё время стонут: Дайте нам то, дайте нам это, и вот когда вы нам всё дадите, то мы будем, наконец, счастливы! А что на поверку выходит?

Вот вспомни, ведь раньше люди искренне считали, что когда у них будет электричество и машины, которые смогут выполнять за человека тяжёлый труд, когда у них будут средства для быстрого обмена информацией, когда у них будут лекарства от многих болезней, когда... В общем много ещё чего. Так вот, когда у них всё это будет, то наступит мир и благоденствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.